

Интервью с КОПЫЛОВОЙ Верой Борисовной

С.-Петербург 1990г.

зап.на диктофон Моргачёвой Т.

Я: Вера Борисовна, когда вас арестовали?

В.Б.: Это был август 37 года. А мужа второго ноября 36 года.

А я ещё десять месяцев гуляла на свободе.

Я: А вы знали, где находится ваш муж?

В.Б.: Да, я ходила, передачи сначала принимали. Сначала на Нижегородской, "Кресты" что ли называется, я забыла уже. А потом его перевели в тюрьму Большого дома и там он был до конца. Ни в каких дальних лагерях он наверное не был, наверное он в Левашово. А мы сидели в Крестах, мы сидели все-ю два месяца. А потом выгнали нас в коридор, дали бумажку...

Я: А что за народ был в камере?

В.Б.: Я многих помню, но не очень сейчас... По фамилиям сказать, или как?

Я: Да.

В.Б.: Я вам скажу тех, с кем мы потом в одном доме жили, вот в этом доме, у нас такое землячество было, мы друг другу помогали, пока не разъехались. Потому что у некоторых дочь или сын где-то были, им разрешили поменяться, съехаться. Все мы поддерживали связь до самой их смерти, человек пять нас было или шесть. Вот так. Они у меня умерли все. Очень друг другу помогали. Я сломала ногу, так меня везли в поликлинику, помогали сесть за стол, за мной ухаживали все очень хорошо. Так что эта дружба для меня была всё. Потому что, интересно, когда мы все собирались и, конечно вспоминали всё это, так вы понимаете, столько было юмора с нашей позиции теперешней. Когда мы глядели туда,

насколько это было нелепо, дико. Так много смеялись, даже странно, да? А ведь у меня не было детей от первого мужа и женщины, которые были оторваны от своих детей, они страдали безумно, они мне завидовали тогда. Ведь их тоже можно понять. Но это такое материнское страдание. Мы вернулись, встретились, кто через восемь лет, кто через пять, разные сроки были. Вы представляете - оставила ребёнка, возвращается через восемь лет - уже взрослый человек. Это надо, чтобы он привык к матери, но уже взрослым, что, конечно очень трудно. Трагедия много было на этой почве очень. Так что я была в этом смысле в лучшем положении, хотя это горько, конечно. Вобщем, просидели мы в Крестах около месяца, нет два месяца.

Я: Камера большая была?

В.Б.: Камера? Значит так, тюрьма была забита так, что мы в тюрьму не попали, а мы попали в клуб. Клуб выходил окнами на набережную, но они были с решётками, эти окна. И так что, конечно, если б знать, то родные могли бы подходить под эти окна и поговорить даже можно было. Камера была большая и вдоль всех стен были нары. Только одноэтажные, нижние нары. Я одна из первых туда попала. А потом нас столько было, всё прибывали и прибывали, то лежали под нарами, на бетонном полу, на холодном. Потому что лежать было негде, под столом лежали. Страшное было дело. Потому что шла такая плановая работа в этом отношении.

Я: Какая обстановка была в камере, какое настроение?

В.Б.: Обстановка была... Все были в шоке, ничего понять не могли, в чём дело? И вот эти, которые были со мной в одной камере рядом, мы так всю дорогу вместе были. И на Колыму потом попали вместе. После Томска мы на Колыме были. И

3.

ВОТ сюда в этот дом попали, уже через десять лет, вместе. После того как освободились, здесь ведь жить нельзя было, двадцать четыре часа давали. Так кто под Лугой был, кто в Вышнем Волочке, а потом уже сюда съехались, в этот дом. Этот дом так и называли - "Дом политкаторжан". Вот как раз нас реабилитировали в 57 и этот дом заселили, Новый год мы тут встречали, 58 год. Народ был, конечно, в основном интеллигентный. И жёны партийных работников. Однажды ночью к нам зашли две женщины. Одна была жена Кодацкого, а другая - не помню кого. Их везли в Темниковские лагеря, они у нас только переночевали. Этих женщин ответственных работников, их туда собирали. Но некоторые и к нам попали. Вот жена Струпче, что ли. Он в обкоме партии был или в облисполкоме, я не помню. Латышка она была по-моему, она была акушерка. Она попала потом на Колыму, она старостой была, потом на Колыме работала в больнице акушеркой. Вобщем вот такие были все большей частью, но интересно что две женщины, которые лежали по левую и по правую руку от меня, их вдруг освободили, до приговора ещё. Через несколько дней, или через неделю, я не помню, сколько. Их освободили. Одна была жена работника партийного, то ли горкома, то ли обкома, не помню. А другая была из комсомола, я не помню, кто. Я ещё дала ей адрес моего дедушки, она к нему заходила и рассказывала обо мне. А потом больше никого не освободили, потом нас вызывали, по одному давали расписаться - бумажку давали. А была среди нас одна женщина, которая была как героиня. Когда её вызвали в коридор и дали бумажку, там написано : срок восемь лет в лагерях Нарымского края. Она разорвала эту бумажку и бросила её в лицо тому дядьке, который ей дал. Её посадили в карцер.

4.

Я: А как её фамилия была?

В.Б.: Пружанская Клара Моисеевна. Она умерла. Она в нашей этой компании была тоже.

Я: Скоро после этого был этап, или какое-то время прошло?

В.Б.: Немного совсем. В ноябре нас повезли. Нас отвезли на Московский вокзал, вернее за Московский вокзал, там какие-то такие пути, что никто не видит. И с собаками прямо, с охранниками нас сажали прямо в вагоны.

Я: А по какому принципу по вагонам делили?

В.Б.: По алфавиту.

Я: И как долго ехали?

В.Б.: Ехали мы очень долго и приехали во Владивосток, ой, нет я путаю с дорогой на Колыму. А приехали мы в Томск. Мы приехали уже в снег. Это уже был декабрь.

Я: Это был первый ленинградский этап или второй?

В.Б.: Я не знаю, по-моему первый.

Я: Когда вы приехали в Томск, там уже был кто-нибудь?

В.Б.: Был московский этап и ленинградский этап, так вот ленинградский, по-моему был первым. Мы приехали в первых числах декабря. Там никого ~~ещё~~ не было.

Я: И повели вас в Томскую тюрьму?

В.Б.: Повели нас сначала в пересыльную тюрьму Томскую. Она граничила с зоной, где были малолетние правонарушители. Их потом убрали и дали нам эту зону. Там были бараки, там было самообслуживание, всё на самообслуживании. Врачи были свои, санчасть была, была кухня. Кто хотел там работал, кто дворником работал. Но нас же было шестьсот человек, нас было очень много. Вот интересно что, меня когда арестовывали, я сидела в прихожей в квартире, стояли два с шинтовками около меня, а лейтенант пошёл к моим родителям

5.

в комнату и сказал: "Кладите тёплые вещи". Какой-то был ~~я~~ очень порядочный человек. И мама положила в чемодан кое-~~х~~ что из платьев, что я любила, носила, и ещё тюдячок. И дедушка мне делал передачи в тюрьму, тоже положил тёплые ~~ж~~ вещи. Так что я была одета совершенно прекрасно. Фетровые боты были две пары, то есть я полностью экипирована была. А другие там были совершенно голые, раздетые. Когда за ~~ни~~ми приходили, особенно когда был маленький ребёнок, ~~кже~~ ей говорили: "Вы сейчас вернётесь". Она закрывала этого ребёнка и шла туда, куда её обманом как-то вызвали. Она шла в габардиновом пальто, которые тогда носили и в босоножках. И вот больше ни ребёнка, ничего она больше не видела. И рот когда нас привезли в этот снег, многих совершенно босых, то начальник, видимо тоже порядочный человек, пришёл и сказал: "Что вы мне привезли голых баб"?

Я: Это начальник томской тюрьмы?

В.Б.: Да, начальник томской тюрьмы. Он ужаснулся: привезли голых баб, в Сибирь, представляете? Вот какая жестокость быда!

Я: А тем кто был без тёплой одежды что-нибудь выдали?

В.Б.: Да, им давали бутсы, им давали такие фуфайки из солдатского сукна, завязывались. Потом-то на Колыме давали телогрейки. Там женщины шили и юбки и кофточки на самих женщин, очень хорошо шили. А в Томске давали вот это солдатское...

Я: Когда вас в Томск привезли, пока вы были в тюрьме ещё, долго вы были там до перевода в зону?

В.Б.: Нет, не долго. Пока там мальчишек всех убрали, видимо всех. И женщинам там предложили мыть полы. Вот наших женщин, кто хотел, там пошли. И вот они нашли там записи на стенах, каждый же искал следы своих родных, и вот некоторые находили, что они через это проходили тоже, через эту

6.

тюрьму. А потом, там же эта зона, она рядом со стеной тюремной. И эти окна с решётками, они не были закрыты футлярами, а только решётки. И там сидели мужчины, высматривали жён. А мы там гуляли. Те, кто не работали, от поверки до поверки гуляли, гуляли по двору, играли в шахматы, там такая канава проходила сухая, ходили, значит к ней, брали доску и играли в шахматы, вышивали. Находили какую-то работу, делать ведь нечего было. Потом меня вызвали в первый отдел и сказали, что ко мне хочет ехать дедушка на свидание. А ему было уже 75 лет.

Я: А как он узнал где вы? Переписка была?

В.В.: Нет, переписки сначала не было. Первый год, а может быть полтора, переписки не было. А потом нам разрешили. И как только разрешили писать, то наши родные получили наши адреса, посыпались посылки. Вот открываются ворота, въезжает телега или сани, ~~вс~~ с посылками, все бегут, стараются прочесть: "Вот тебе, тебе..." Такая радость. И все делились, конечно, посылками, не хранили под одеялом, там это-~~го~~ было. Как кому посылка придёт - так большой праздничник, знаете, кто живёт рядом... Так вот у меня спрашивают, кто... А у меня фамилия была моего мужа, он однофамилец моего дедушки был, значит, у меня девичья фамилия была как у меня сейчас - Копылова. Спрашивают: "Кто вам приходится?" Я говорю: "дедушка". А я в это время получила уже от мамы письмо, она уже была выслана в Туркмению, потому что мы с ней в одной квартире жили - такой был принцип. Мать мужа не тронули, она жила в другом месте, хотя в Ленинграде, а я с родителями в квартире. И вот отца с матерью выслали в Туркмению. Я туда послала письмо. И мама мне написала, чтобы я ни в коем случае не соглашалась на сви-

7.

дание. Потому что дорога была очень трудная, с пересадками, не как сейчас, тогда было сложнее, ещё он погибнет в дороге. И я сказала, что я отказываюсь от свидания. Вот такой был момент. Ну что там был первый отдел. Там ведь там же занимались что и на воле, каждый третий был стукач, такая была система. Даже там. Бывало так, что вдруг исчезает человек, куда-то его увозят. Там было много было женщин из Москвы, высокопоставленных, из тех, что встречались в Кремле на банкетах. Там были две сестры Тухачевского, вот я сейчас читаю про них, Елизавета и Мария, так вот, Елизаветы там не было, это третья сестра, а у нас были Ольга и Мария, молодые девушки. Потом, была последняя жена Бухарина, красивая, 24 года, да, она была молодая, у неё остался годовалый сын, с матерью. Очень была красивая. Потом, кто же там был ещё? Да, Якира жена была, вот умница, замечательная, критического направления ума. Она такие вещи говорила, что страшно было слушать. Оценивала, что творилось с нами, умная была, понимала много. А я, стыдно признаться, ничего не понимала. Я, когда своим друзьям говорю, что ничего не понимала, они мне отвечают: "А кто понима? Никто ничего не понимал. Мы ведь ничего не знали". Я - жена своего мужа, который с 17 года в партии, ещё до переворота, до революции, и я не могла предположить, что он в каком-то заговоре. Но у нас дома висел портрет Ленина, не Сталина, Сталина у нас не было. И никаких разговоров о Сталине у нас не было никогда. И мы действительно ничего не знали. Вы знаете, мы все такие сейчас политики стали, правда? Потому что сейчас всё выпускают. Хотя всё это шло от него, но мы ничего не знали о нём. А вы знаете, какие вопросы мне задавали в тюрьме? Ночью, обязательно ночью

приходил конвойный, вызывал, и вёл ночью, по коридорам, по дворам и приводил меня в кабинет следователя. Следователь был, видимо, очень порядочный человек. Он говорил : "Что вы знаете о контрреволюционной деятельности вашего мужа?" А я отвечала, не то что я не знаю, а что он не вёл контрреволюционной деятельности. И больше ничего. И этот разговор кончался на этом и я отправлялась обратно в камеру. И так несколько раз, потом меня оставили в покое. Что вам ещё рассказать?

Я: А какой у вас был кружок, с кем вы больше общались в Томске?

В.Б.: В смысле по социальному положению?

Я: Хотя бы по именам.

В.Б.: Вот Пружанская Клара Моисеевна. Потом, Ушакова Антонина Ильинична, мы очень были дружны. Потом Мери Захаровна Литманович, Ксения Дмитриевна Медведская, она живёт в Ленинграде. Это вы знаете?

Я: Да. А когда вы встречались, вместе гуляли в Томске, о чём вы говорили?

В.Б.: Вы знаете, там было так, из инстинкта самосохранения на нарах мы не говорили, старались не говорить. Потому что там разные люди были и одна, которая совсем рядом с нами лежала, у нас было подозрение, что она стукачка, и мы ничего на нарах не говорили.

Я: А кто это была?

В.Б.: Смирнова была фамилия, по-моему Смирнова, не помню, как её звали, паршивенькая такая бабёнка была. А когда одни были, говорили, конечно, о прошлой жизни, у кого что, у кого дети были, конечно, больше всего о детях. Первый год нас очень хорошо кормили, такие, знаете, борщи с

с мясом. А потом стало худо, сороковой год, это уже война с Финляндией была, да? И с хлебом плохо стало. Голодно.

Я: Это Томск ещё?

В.Б.: Да, это ещё в Томске.

Я: А как выглядела ваша зона? Сколько было бараков? Они были разделены на камеры?

В.Б.: Да, в бараках были камеры. Они были разной величины. Первый раз, когда нас только привезли, мы были в камере, там были двухэтажные нары по двум сторонам. Посредине был стол. Тесная была камера. Сколько там нас было, я даже не помню. Может, человек 16. А потом мы попали в другую камеру. Там, знаете ли нас старались всё время старались перемешать, чтобы связи разорвать между нами, чтобы дружбы не было. А это уже камера была большая, в ней было 250 человек.

По одну сторону нары, посередине тоже нары, двойные. Одни были к окнам нары, а другие - к проходам, Вот это была большая камера.

Я: А окна там были в бараках?

В.Б.: Были, были.

Я: А какое было начальство?

В.Б.: Первый отдел, который ведал всеми этими делами. А нас обслуживала, в баню водила женщина, это позорно, что у неё была чудесная фамилия - Тельман. Это надзирательница тюремная. Она нас водила в баню. В баню нас водили за нашу зону, я так думаю что в тюрьму. По-моему, это тюремная бanya была. По ночам водили на стирку. Стирали мы свои чулки. По-очереди, я не помню, как, по алфавиту, или по другому как, но ночью нас водили. Потому что, видимо, там к ночи освобождали эту прачечную и мы там стирали. Но вы знаете, эта картина нашей майки, это надо было бы снять и показать

10.

по телевидению. Как мы мылись. Это кошмар был - так мало времени давали, что мы не знали, что мыть - пятки или голову. Приходилось чередовать - один раз пятки, другой раз - голову. Ужасно. Или издевались над нами так, всё время подгоняя, или действительно так мало времени было. Не могу вам сказать. И все-таки, мы в баню ходили довольно часто, я сейчас не помню сколько, но довольно часто. Вшивости там не было, самое хорошее, что не было вшивости.

Я: Но и в камере должен был быть какой-то начальник?

В.Б.: Да, конечно, староста, из наших же женщин. Только в маленькой первой камере у нас ещё не было старосты. А вот во второй камере была такая чудесная женщина, забыла как звали её, а ведь я её так хорошо знала. И тут уже с ней встречалась. Но не могу вспомнить.

Я: А кроме старост были ещё и корпужные? Что это были за личности?

В.Б.: Были, были... Когда мы были в маленькой камере, у нас корпужная была Фокина, вспомнила её фамилию. В ней шла нехорошая слава, что-то было за ней такое. Ведь это всё равно просачивается, как не скрывай, а то ли у людей интуиция, то ли что... Люди чувствовали, что ей доверять было нельзя. Старости-то в камерах были обычно хорошие женщины. А вот корпужных начальство назначало, и видимо из каких-то своих людей...

Я: А дети были в Томске?

В.Б.: Да, приехали с детьми с маленькими. Значит так, была комната, "мамками" их называли. И на кухне был повар, который готовил для детей.

Я: А много было женщин с детьми?

В.Б.: Ну, я не могу сказать. Немного, но были. Я, например, пом-

II.

ю одну девочку, ей два года было сначала, такая малюсенькая, а потом уж она выросла, и вот когда открывались ворота и приезжал ассенизатор, она громко кричала: "Папа Кахка приехал, папа Кахка приехал!" Она отца-то не видела, мужчину не видела...

Да, потом когда уже перед тем как отправлять нас мы прошли комиссию. Кому пять лет было, те на Яю попали, от Томска недалеко, а молодых и здоровых, вот как я и у которых восемь лет срок отправили на Колыму.

Я: - А как было с питанием вообще?

В.Б.: Да, я еще про детей хотела сказать. Перед тем, как нас отправить, велели написать родным, чтобы приезжали за детьми. А те, у кого не могли приехать, те дети остались в детских домах. И потом, когда началась война, очень многие не могли найти своих детей, потому что детские дома эвакуировали, поезда бомбили. И приезжали родные к воротам лагеря и забирали детей.

Я: А в Томске у кого-нибудь были свидания?

В.Б.: Нет не было вообще никаких свиданий. А потом в один день собрали весь этот бомонд наш - сестру Тухачевского, потом Бухарину, Лакир. И их вывели за ворота. Их вывели в какой-то другой лагерь. Всех их. Ну, конечно, мы не знали, куда, зачем...

Я: Известно, что потом Тухачевские, например, попали на Яю.

- Вы не помните, какие были этапы в Томск. Были два ленинградских, один московский и, насколько я знаю, один этап с Украины. &

В.Б.: С Украины я знаю там хоклушки были. Они чудесно пели. Там нельзя было петь, но они уходили за барак и потихонечку там пели, очень любили. Очень красиво пели. Так что мы

12.

даже забывали где мы находимся, слушая этот концерт. И мы один раз устроили концерт.

Я: Для этого спрашивали разрешение?

В.Б.: Да нет, какое разрешение! В карцер посадили за этот концерт. У нас там была балерина из Большого театра. Она танцевала.

Я: Лерхе?

В.Б.: Ой, да, Лерхе. У вас записано? Она в Москве? Она танцевала испанский танец, в какой-то маленькой камере. Потом кто-то читал стихи. И все попали в карцер.

Я: Это концертная бригада из одной камеры была?

В.Б.: Не знаю, они просто собрались, в одной камере этот концерт был, они не ходили по камерам.

Я: В вашей камере?

В.Б.: По-моему, в нашей, я сейчас даже не помню.

Я: А как было в Томске с питанием? С кухней?

В.Б.: Там работали те же наши женщины, кто хотел. Фамилий, к сожалению, не помню, но очень хорошие женщины были, добросовестные. Для детей отдельно готовили.

Я: А больница там была?

В.Б.: Да, санчасть была. И там глазной врач была, она жила здесь рядом, в соседнем доме - Скобло Берта Александровна.

Я: А где она жила?

В.Б.: Кузнецовскую знаете улицу? Она жила в двенадцатиэтажном доме на Кузнецовой. Я у неё ~~была~~ там. Квартиру, правда, не помню. Я туда ходила один раз. У неё муж работал в Военно-медицинской академии. И я к нему ходила, у меня дочка больная была. И я к нему ходила советоваться. А потом я ему печатала на машинке. У меня своей машинки не было и мне давала её Владимирова, такая замечательная женщина,

13.

моя бывшая солагерница, журналистка?

Я: Она тоже в Томске была?

В.Б.: В Томске? Нет, пожалуй в Томске не была. У неё была самостоятельная статья, а не ЧСИР, она была на Колыме. Вот, и я ей печатала какой-то труд по его специальности. А я его знала по Колыме, он там у нас был профессор без конвоя. И когда Берта получила телеграмму, ещё когда мы в Томске были. Она мне сказала: "Я получил телеграмму от него". А мы ещё тогда не знали, что такое Колыма. И её тута, конечно, не послали, у неё был срок пять лет и она осталась на Яе. У неё была дочь замужняя.

Я: Кроме вышивания и игры в шахматы, занимались чем-нибудь, например, самообразованием?

В.Б.: Конечно, рассказывали друг другу, кто что помнил, кто что читал. Даже я учила там "Демона" Несколько глав наизусть я знала. Кто-то говорил, я запоминала. Учили "Евгения Снегина", это чтобы не отутпеть совсем. Потому что ни книг, ни газет там не было, ни радио. А это мы практиковали, мы читали друг другу стихи. Да, и вот такой случай. Мы стояли на разводе, это уже на Колыме, потому что нас на работы отправляли, а в Томске разводов не было, там были поверки. И вот там у нас были две женщины, они преподавали французский язык. И решили, пока стояли и кого-то ждали поговорить, попрактиковаться. И их отправили в карцер. Конвойный прислушался, что что-то они говорят не то... Вот культура-то была...

Я: А в Томске болели?

В.Б.: Да, вы знаете, когда там начали очень плохо кормить, напала цинга, витаминов никаких. А потом стали продавать в ларьке черемшу. Там продавали черемшу.

14.

Я: То есть можно было получать переводы и покупать что-то?

В.Б.: Насчёт переводов я не помню. Но у кого были деньги, тот покупал эту черемшу в ларьке. И стали нам возить кислую капусту и по-моему солёные помидоры. И вот когда приезжал грузовик с этим всем, нас всех загоняли в бараки. Чтобы шофер не видел никого. Потому что мы там были как спецлагерь абсолютно изолированы. Тем более, что у нас ни переписки сначала, ничего не было. Там кроме цинги была ещё другая болезнь, пятна появлялись на ногах, не помню, как называлась.

Я: Пеллагра.

В.Б.: Да, именно пеллагра. Расшатывались зубы, кровоточили дёсны. Ну, знаете, цинга? И нам стали давать в рацион вот эту капусту. Смертных случаев там по-моему не было, в Томске. Я вот фамилии не помню, женщина молодая, она сошла с ума на сексуальной почве. Её посадили в бокс - в такую отдельную камеру, но она кричала в форточку, когда мы гуляли. Ей закрыли форточку, а потом её увезли.

Я: А какого-нибудь сообщения у вас с тюрьмой не было?

В.Б.: Нет, ничего.

Я: В Томск привезли каких-нибудь одиночек, без этапа?

В.Б.: Нет, таких не было. Вот нас как привезли туда, так мы там все и были, ну кроме того, что кого-то увозили иногда.

Я: А вот дети... Их же надо было как-то одевать...

В.Б.: Вы знаете, а вот детей я что-то совсем не помню. Не могли же они не гулять? А я их не помню. Я вот помню только эту девочку, которая ассенизатора величала так.

Я: Там было несколько художниц, не помните?

В.Б.: Одна была, она мне рисовала на полотне всякие такие

15.

тастические, как подводное царство рисунки. И я там выши-
вала гладью, меня там научили гладью вышивать, и я, значит,
порола трикотажное бельё и вышивала. Как же её звали? Она
была венгерка. Не помню.

Я: Илона Силади?

В.Б.: Ну конечно! Как вы много знаете! Как только вы сказали, я
так я и вспомнила. Очень была хорошая. Говорила так смешно.
По-русски очень смешно говорила. Очень душевная была, та-
кая добрая! О ней не слышно ничего?

Я: К сожалению...

В.Б.: У нас несколько человек умерло, когда нас привезли во Владивосток, на пересылку. И там две были освобождены. Вот
в 38 году начались пересмотры дел некоторых мужей. И вот
двух освободили. Одна была Горохова, а другая, вы наверное
знаете, была такая красивая женщина, не могу вспомнить.

Я: К сожалению моему великому, я не всех знаю. Дело в том,
что, по некоторым сведениям в Томске было около двух ты-
сяч женщин. Вот вы говорите, что были в камере, где было
250 человек, так ведь камера была не одна.

В.Б.: Нет, такая камера была одна. Может быть эта цифра 600,
которая мне запомнилась, может быть, это число колымского
этапа, колымского маршрута? Что-то память сохраняет, а что-
то и уходит из неё. Ведь сколько лет прошло!
Мне так понравился климат сибирский. Сухой, и мороз там
не так переносишь, как здесь, гораздо легче. А лето жаркое.

Вторая сторона.

В.Б.: ...мы вышивали, кто на чём. Когда получали посылки, то на
этих обшивках и она вышила клетку, а в клетке кота. Это
Мусселиус Анна Ивановна, она астроном была. Ну это уж с

подтекстом. Кто-то там из вертухаев увидел это и её в карцер посадили. За кота в клетке. Потому что какая-то двусмысленность в этом конечно есть. Хоть вертухай и не очень умные, но они чего-то додумались и посадили её. Она всё-таки была прекрасный человек. Очень хорошая.

Далее чтение картотеки.

Устинья Филипповна Маркова	-нет
Никифорова Мария Ивановна	-нет
Пушницкая Надежда Викторовна	-нет
Егорова/Райвичер/ Мария Ник.	-нет
Рубина/Шварц/ Любовь Израилевна	-нет
Старосельская Нина Николаевна	- Вот, Старосельскую помню.

Когда Она умерла? - в 87.

Я: Алёхина Елизавета Владимировна. ~~Фик~~

В.Б.: .../перерыв в записи/.... Она собиралась уже уходить и вдруг все забегали и скорее сказали кипятить инструменты. Оказалось что у неё... Да, ему ассистировала в это время на операции вот эта мадам. И она кетгутом плохо завязала сосуд, видимо. Он соскочил и у той внутреннее кровоизлияние началось. Представляете, полость вся наполнилась кровью. И как это он почувствовал по её состоянию, что у неё что-то не-ладно. И опять пришлось всё вскрывать заново и уже вот такими сгустками внимали эту кровь из неё, она чуть не погибла. Эта /неравб-/ училась около него, она такую школу могла пройти около такого профессора. И он взял её ассистировать, я этот случай хорошо запомнила. Она /Алёхина-Т.М./ была очень умная женщина, и тоже с таким язвительным томом. А муж у неё был морской офицер, по-моему. У них бы-

17.

ло двое детей - мальчик и девочка Верочки. Это я помню. И она умерла /Елизавета Влад. -М.Т./ давно, в пятидесятых, по-моему. Эта Верочки родила девочку, она тащила эту коляску на какой-то этаж и у неё остановилось сердце. Этой я от Тартаковской узнала, они друзья были тоже. Я работала на Васильевском острове, а она жила на Васильевском острове, Тартаковская. И мы встретились на улице. И она мне сказала про смерть Алёхиной, что она так погибла. Очень жалко её.

Я: Митрофанова Ксения... А как отчество?

В.Б.: Не помню. Она была у нас старостой барака, шахматистка была, она приходила сюда, ко мне. Она очень странно, просто дико было то, что она, только уже всё позади, получили жилплощадь... Где она жила? Не помню, по-моему, не в нашем доме. Она уже умерла. У неё был аппендицит и она на столе скончалась. Не выдержала операции. Она преподавала математику, уже устроилась на работу и должна была идти в школу. И вот так умерла. Это был 57 год по-моему.

Я: А родственников у неё не осталось?

В.Б.: У неё кто-то был, вот я не помню, но кто-то был.

Я: Вы помните голодовку Шапошниковой?

В.Б.: Нет, не помню, это наверное, в другом лагере было. А её сашу хорошо помню.

Я: Это было в Томске, голодаала она в знак протеста против тяжёлых условий содержания, когда очень голодно стало.

В.Б.: Что-то я не помню. А где она погибла?

Я: Вот этого я не знаю.